

2. Большаков, В. П. Классицистическая теория жанров и ее преодоление / В. П. Большаков // Теория литературы: в 4 т. / редкол. Ю. Б. Борев [и др.] — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — Т. 3: Роды и жанры. — С. 11–32.
3. Сцяпан, У. Півонія / У. Сцяпан // Сучасная беларуская проза: Традыцыі і наватарства. — Мн.: Сэр-Віт, 2003. — С. 626–632.
4. Сцяпан, У. А. Адна капейка: кніга прозы / Уладзімір Сцяпан. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2012. — 224 с.
5. Шпаковский, И. И. Сюжетно-композиционная структура современного рассказа: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И. И. Шпаковский; Белорус. гос. ун-т. — Мінск: 1996. — 20 с.
6. Жураўлёў, В. Структура твора. Рух сюжэтна-кампазіцыйных форм / В. Жураўлёў. — Мінск: Навука і тэхніка, 1978. — 312 с.
7. Хализев В. Теория литературы / В. Хализев. — М.: Наука, 1998. — 398 с.
8. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. — М.: Наука и техника, 1963. — 320 с.

Евгения Логуновская (Минск)

ВАМПИРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОПУЛЯРНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВАМПИРСКОЙ ТЕМАТИКИ СПЕЦИФИКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

...Прочел я “Вампира — графа Дракула”. Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня, наконец, прочесть ее.

А. А. Блок в письме другу Е. П. Иванову в 1908 г.

Современная литература отличается идейно-тематическим разнообразием, пестротой техник письма, своеобразием героев. Принадлежащие к «инфернальной» сфере являются, пожалуй, одними из самых ярких и популярных. В последнее время на экранах, страницах книг и, более всего, в сети Интернет наблюдается всплеск инфернальной тематики. Видимо, современная культура специфична реанимацией различных культов, компонентов мифа и фольклора. Неомифологизм литературы XX века, нацеленный на постижение сложных нравственно-философских проблем, неизбежно коснулся вопроса нынешнего соотношения двух миров — реального и инфернального. Эта полоса стала частью сознания современного человека, компонентом культуры, предметом научного изучения.

По толковому словарю Д. Н. Ушакова, «инфернальный — (латин. *infernalis*) (книжн. устар.). Находящийся в аду, происходящий в аду, адский. Одержимый бурными страстями, демонический» [2, с. 564]. В фольклористике под инфернальными понимаются следующие образы: призраки, оборотни, адские псы, черти и др. Ярким проявлением инфернального является образ вампира. В. Л. Цымбурский в статье «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» охарактеризовал вампиров как «образы, способные завоевы-

вать сознание миллионов, ориентировать их, навязывать им такое понимание действительности, которого до возникновения тех образов как будто и не могло быть» [5].

В современной культуре вампирическая парадигма переживает настоящий бум. Важна социально-психологическая составляющая популярности образа вампира. Образ вампира в сознание современного человека входит последовательно, процесс можно обозначить следующим образом: ребенок → подросток → молодежь → взрослый. Концепт «вампир» входит в сознание ребенка, когда тот сталкивается с фантастическими фильмами, часто не предназначенными для детей, но популярными среди них, детскими и подростковыми рассказами хоррор-жанра (например, серией детских ужастиков Р. Л. Стайна). По мере вхождения подростка, молодого человека, а затем взрослого в культурное поле, дискурс «вампир» укореняется в сознании.

Противопоставление **человек — вампир** в рамках вампирической парадигмы основано на оппозиции **Я — Другой**, возникшей в древнем мифе, продолженной в фольклоре и пришедшей в литературу. Однако современная культура характерна подталкиванием к принятию совершенно Иного и одновременно борьбой с Иными, Чужими. Вампир — это в первую очередь Чужой, он противопоставлен человеку. В то же время с развитием вампирической парадигмы образ вампира усложняется, и возникает градация образа вампира: хуже, чем человек (А. К. Толстой «Упырь», «Семья вурдалака», Б. Стокер «Вампир (Граф Дракула)»), → такой же, как человек (Э. Райс «Интервью с вампиром»), → лучше человека (С. Майер «Сумеречная сага»). Вампир может представлять как монстром (Дракула, герои А.К. Толстого), так и жертвой, страдальцем (семья Калленов из «Сумеречной саги» С. Майер, герои «Вампирских хроник» Э. Райс). Таким образом, возникает необходимость внутренней составляющей популярности произведений, посвященных вампирской тематике.

Один из самых актуальных вопросов, связанных с вампирической парадигмой в культуре, — это вопрос: откуда в человеческом сознании возник такой интерес к образу вампира?

Объяснение можно найти в теории личности З. Фрейда, который считал, что психические образы телесных потребностей, выраженные в виде желаний, называются инстинктами. Есть две группы инстинктов — инстинкты жизни и инстинкты смерти. Инстинкты жизни З. Фрейд назвал Эросом и определил, что эта группа включает силы, которые служат для поддержания жизненно важных процессов и обеспечивают размножение вида. Наиболее существенной З. Фрейд считал сексуальную энергию — либидо. Либидо (от лат. *libido* — стремление) — «бессознательная психическая энергия индивида, коренящаяся в сексуальном инстинкте. Либидо рассматривается как доминирующий мотив человеческого поведения, проявляющийся в социально приемлемой форме благодаря сублимации, вытеснению и другим видам психологической защиты» [1, с. 161].

Вторая группа инстинктов — инстинкты смерти Танатос — лежат в основе всех проявлений жестокости, агрессии, самоубийств и убийств. Зигмунд

Фрейд посчитал их биологически обусловленными и такими же важными в регуляции человеческого поведения, как и инстинкты жизни, утверждая: «Целью жизни является смерть» [3, с. 38]. Таким образом, все живые организмы стремятся вернуться в неопределенное состояние, из которого они вышли.

Вампир олицетворяет два основных стремления бессознательного человека: Эрос и Танатос. Вампир, как известно из фольклора, — это нежить, он не жив и не мертв: с одной стороны, это человек после смерти, с другой стороны, живой, и эту иллюзию жизни он стремится поддерживать. Образ вампира-соблазнителя апеллирует к либидо, по З. Фрейду, главному стремлению нашего бессознательного. Соответственно увлечение вампирской тематикой — сублимация в чистом виде для авторов и читателей. З. Фрейд отмечал, что, «благодаря процессу “сублимирования”, при котором исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях...» [3, с. 111]. Популярность вампиров отражает накапливаемые в психике человека отклонения, перверсии и элементы девиантного поведения.

З. Фрейд говорит о том, что любой инстинкт имеет четыре характеристики: источник, цель, объект и стимул [4, с. 117]. Инстинкт жизни вампира (смерти, по сути, он уже достиг) можно представить в виде комплекса компонентов:

Источник (состояние организма или потребность, вызывающая это состояние): жажда.

Цель (устранение или редукция возбуждения, вызванного потребности): утоление жажды, убийство человека.

Объект (любой человек, предмет в окружающей среде или что-то в собственном теле индивидуума, обеспечивающее удовлетворение (т. е. цель) инстинкта): человек-жертва.

Стимул (количество энергии, силы или давления, которое требуется для удовлетворения инстинкта): способности вампира (скорость, гипноз и т. д.).

В определенной мере помогает теория личности Карла Густава Юнга. К. Юнг исходит из того, что содержание бессознательного есть нечто большее, чем подавленные сексуальные и агрессивные побуждения. Интерес представляет его мысль, что поступки человека мотивированы интрапсихическими силами и образами, происхождение которых уходит вглубь истории эволюции. Это врожденное бессознательное содержит имеющий глубокие корни духовный материал. К. Юнг рассматривал либидо как «лишенные сексуальной основы иррациональные влечения человека, определяющие его поведение» [1, с. 161]. По сути, с такой точки зрения легко объясняется поведение вампира-персонажа, его либидо — жажда крови и порой это влечение достаточно иррационально для него самого.

Так же решает вопрос популярности «Вампира» Б. Стокера Вадим Цымбурский в статье «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд». Он пишет: «Итак, вот три аспекта, которые придется соотносить при оценке глубинных механизмов “дракулического” террора: приверженность к правде-

справедливости, трактуемой как испытание человека на готовность-неготовность оправдать собственную казнь; сексуальные, фаллические ассоциации, сопряженные с излюбленным орудием смерти; наконец, страсть принуждать свои жертвы к предварительному поглощению, всасыванию чужих жизней, так что в финальном акте на колу умирает вроде бы не один казненный, а все жизни, уже поглощенные им» [5].

Популярность вампирской тематики можно в какой-то мере объяснить, исходя из теории существования коллективного бессознательного, которое представляет собой хранилище латентных следов памяти человечества. В нем отражены мысли и чувства, общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого. Как говорил сам К. Юнг, «в коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [6]. Таким образом, вера в вампиров была настолько сильна, что перешла к современному человеку, поскольку структура его психики оставалась неизменной и коллективное бессознательное было ее ядром.

Таким образом, интерес к вампирической парадигме обусловлен спецификой человеческой психики. Вампир олицетворяет два основных стремления бессознательного человека — Эрос и Танатос. Образ вампира апеллирует к либидо, по З. Фрейду, главной движущей силе бессознательного. Соответственно увлечение вампирской тематикой — сублимация в чистом виде. В рамках же концепции К. Г. Юнга, который трактовал либидо как «лишенные сексуальной основы иррациональные влечения человека, определяющие его поведение» [1, с. 161], легко объясняется специфическое поведение вампира-персонажа: его либидо — жажда крови.

Литература

1. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, — М.: Политиздат, 1985. — 431 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — Т. 1—764 с.
3. Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности: пер. с нем. / З. Фрейд. — 2-е изд. — Минск: Попурри, 2010. — 480 с.
4. Хьелл, Л. Теории личности: основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — 3-е изд. — СПб.: Питер, 2006 — 607 с.
5. Цымбурский, В. Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд / Цымбурский // Научная библиотека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: zar-literature.ucoz.ru. — Дата доступа: 24.02.2013.
6. Campbell, J. Hero with a thousand faces. / J. Campbell — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 2006. — 198 с.

Марина Бабенко (Київ)

ОБРАЗ ЛЮБОВІ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ФІЛОСОФСЬКІЙ ЛІРИЦІ: СПЕЦИФІКА МОДИФІКАЦІЙ

Одним із центральних об'єктів творчого осягнення в українській філософській ліриці є любов. Ця споконвічна рушійна сила завжди оспівувалася